

С. Г. Каухчишвили

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РОМАНА «ВАРЛААМ И ИОАСАФ».
ВОПРОС ОБ АВТОРЕ РОМАНА¹

Широко известны заслуги Петербургского университета в выяснении вопроса о происхождении византийского романа «Варлаам и Иоасаф». Профессора этого университета В. Розен и Н. Марр выступили в конце XIX в. против заключения Зотенберга (в книге «Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph», 1886) о том, что, невзирая на упоминание в лемме Евфимия Ивера как автора греческого романа «Варлаам и Иоасаф», Евфимий быть им не мог².

По мнению Зотенберга, примитивное состояние грузинской литературы в X в. не позволяет допустить, чтобы роман, такой законченный и глубокий, мог быть сочинен на столь несовершенном языке; а priori невероятно, говорит Зотенберг, «qu'un ouvrage d'une forme si achevée, à la fois si profond et si éloquent, comme le livre de Barlaam et Joasaph, ait été composé primitivement en un idiomе encore inculte».

А что касается упоминания Евфимия как автора греческого романа в лемме двух греческих рукописей, это, по мнению Зотенберга,—подлог со стороны грузинских монахов: «une supercherie naïve de quelque moine géorgien du couvent d'Ivéron».

Рассмотрим доводы в пользу авторства Евфимия Ивера.

В нашем распоряжении три основных довода.

Первый. Древнейшая греческая рукопись романа (рукопись Библиотеки им. св. Марка в Венеции, XI в.) переводчиком романа называет Евфимия Ивера. В лемме читаем: «[His]toria [psych]opheles ec tes endoteras ton Aithiopon choras pros ten [hagi]an polin metenechtheisa dia Ioannou monachou mones tou hagiou Sabba, metaphrastheisa de apo tes Iberon pros ten helada glossan *hyper Euthymiou* andros timiou cai eusebous tou legomenou Eberos» (Venet. Marc. s. XI; по мнению Ф. Дэльгера, XII в.).

Второй. До нас дошел латинский перевод романа, выполненный в конце первой половины XI в. (как об этом говорит П. Пеетерс в своем исследовании от 1931 г.), а именно в 1048 г.: «Hystoria Barlaae et Josaphat de interiore Aethiopia deducta per venerabilem monachum monasterii Sabae in Heliam urbem et translata in eolico per Eufinium sanctum virum».

Третий. Евфимия Ивера называет автором греческого «Балавара» биограф Евфимия Георгий Святогорец: «Его труды радуют всех, дальних и близких, и сладость переведенных им книг, подобно золотой свирели, своими громкими звуками пополяет весь свет, не только страны Грузии, но и Греции, ибо он перевел с грузинского на греческий язык «Балавари», «Абукура» и некоторые другие книги» (см. издание И. Джавахишвили, стр. 15). Привожу в латинском переводе П. Пеетерса («Histoires monastique géorgiennes», 15): «Atque translatorum ab eo librorum suavitas, quasi aureae fistulae vox canora in universa terra personat, non Hiberiae modo, sed etiam Graeciae: quippe qui Balahvarum, Abucuram, nonnullosque alios libros ex hiberico sermone in graecam converterit».

Должен остановиться на одном выражении в греческой лемме: «hyper Euthymion». В этом виде оно не означает «переведено Евфимием», а понимается как «переведено *для Евфимия*»; «hupo Euthymiou» означало бы «Евфимием». С другой стороны, в леммах никогда не указывается, *для кого* пишется та или иная книга, обычно говорят *кем* эта книга написана.

То, что писавший эту лемму разумел именно то, *кем* переведена книга, явствует из аналогичной леммы рукописи XIV в. (по Ф. Дэльгеру, XV в.): «Logoi psychopheles metenechtheisai apo tes ton Ethiopon esoterias tes Romaion ges cai metablethesai apo tes ton Ethiopon dialectou epi tes hellenida glossan *para* Euthymiou tou hagiostatou monachou tou Eberos tou cai gegenotos cathegetou tes Megales Labras tou Hagiou Athanasiou tou Hagiou orous»³.

Не вызывает никаких сомнений, что и в первом случае писатель и читатель понимали «hyper Euthymiou» как «hupo Euthymiou».

* * *

Одно время полагали, что автором «Варлаама и Иоасафа» являлся Иоанн Дамаскин (VIII в.). Но в глаза бросались такие несуразности:

1) до XI в. нет никаких данных о том, что роман знали в Византии;

2) если бы всемирно известный Иоанн Дамаскин был его автором, как допустить, что в течение трех веков (VIII—XI) могли не упомянуть об этом; рукопись могла быть потеряна, но трудно представить себе, что потомство не знало о существовании труда Иоанна, притом столь популярного. Поэтому и писал К. Крумбахер: «Die Ansicht, dass Johannes von Damaskos der Autor des Werkes sei, ist jetzt allgemein aufgegeben; er ist nur in einer Gruppe jüngerer Handschriften als Verfasser genannt»⁴.

В 1953 г. вновь раздается голос в пользу авторства Иоанна Дамаскина (F. Dölger. Der griechische Barlaam-Roman — ein Werk des H. Johannes von Damaskos). Однако западноевропейские

ученые не поддержали Ф. Дэльгера. Анри Грегуар, резко выступив против концепции Ф. Дэльгера, писал в статье, посвященной Иверскому монастырю, что заслуга Евфимия Ивера столь велика в разрешении проблемы об авторстве греческого романа «Варлаам и Иоасаф», что следовало бы отметить эту работу Нобелевской премией. Высокую оценку роману дает и К. Крумбахер: «*Varlaam und Joasaph, der berühmteste und beste geistliche Roman des Mittelalters, gehört zu den internationalen Volksbüchern, die vom fernen Osten her über Asien, Nordafrika und Europa verbreitet wurde*».

Во втором томе трехтомной «Истории Византии» (М., 1967) имеется специальная глава «Литература» (XI—XII вв.). Казалось бы, именно здесь должно было найти место это крупное явление в литературной жизни Византии. Однако в тексте «Истории Византии» не встретим ни одного слова о романе «Варлаам и Иоасаф». Лишь в двух местах «Примечаний» имеются такие суждения:

1) стр. 431, прим. 31: «Спорной остается атрибуция Иоанну (Дамаскину) сказания о Варлааме и Иоасафе — христианского романа, возникшего из переработки восточной (индийской) повести о Будде. См.: *F. Dölger. Der griechische Varlaamroman. Ettal, 1953; Ш. Нуцубидзе. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф». Тбилиси, 1956*»;

2) стр. 462, прим. 5: «Спорным является вопрос о времени перевода на греческий повести «Варлаам и Иоасаф», который иногда относят к XI в. (см. выше, стр. 431, прим. 31)».

В заключение я хотел бы призвать участников ленинградского Симпозиума по вопросам византинологии более энергично продолжать традиции петербургских византинистов и умножать те знания, которые они передали нам. Было бы не лишним вспомнить Аристакеся Ластивертци, который в подтверждение своей правоты по одному вопросу говорил: «Блаженный и божественный Соломон пишет, что правый царь утверждает землю, а попирающий законы разоряет ее»⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Доклад, прочитанный 1 июня 1972 г. на Византинологическом Симпозиуме в Ленинграде.

² В. Р. Розен. Рец. на кн. Зотенберга. — ЗВОИРАО, т. 2, вып. 1, стр. 166—174; Н. Марр. Агиографические материалы. — ЗВОИРАО, т. 13, 1904, стр. 89—108.

³ Оставляю орфографию писца без изменения.

⁴ К. *Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches*, 2. Aufl. München, 1897, S. 887.

⁵ *Аристакес Ластивертци. Повествование...*, пер. с древнеармянского К. Н. Юзбашьяна. М., 1968, стр. 104.